

Pro et Contra

«Театр новой музыки» в Театральном зале – это логично. Как говорится, денежка к денежке, а театр к театру... Но и без театральной обстановки уже никто не усомнится, что это именно Театр. Чего-чего, а театральности тут хватает. Нашли-таки они свою театральную форму, и подумайте только – всего-навсего заставили ведущего не только говорить, но целые сцены перед публикой разыгрывать, по сценарию, всё как положено на театре, и не один он, ведущий, а вдвоём – профессор Влориди & маэстро Вигансо.

И откуда только взялась эта милая парочка? То ли это запоздалые давидсбюндлеры, один – восторженно-экзальтированная личность, другой – отъявленный скептик, то ли волшебники из книжки про Гарри Поттера, неизвестно каким ветром занесённые в наши края (очень уж одного выдаёт высокий цилиндр с блестящими звёздами, да и на самого Гарри Поттера что-то уж больно похож, люди уже обращали на это внимание)? А в этот раз тот, который скептически оценивал всё, чем бы восторженный тип не восторгался, вообще предстал эдаким Шерлоком Холмсом, ну, оно и понятно, откуда этот господин взялся, не чуждый музыке, хоть и играет не на скрипке, а на рояле, импозантный такой и с трубкой, в настоящей английской крылатке, что ни скажет, как отрежет, большой авторитет...Одним словом, Театр есть театр. И надо сказать, они это здорово придумали – превратить обычный концерт, академические формы которого, как признают многие, давно уже устарели, в спектакль с разговорными диалогами, и в непринуждённых беседах и спорах заодно объяснить публике, что к чему в новой музыке. Правда, как оказалось, понятие это весьма растяжимым может быть. Новой, оказывается, можно считать всякую музыку, даже ту, которая написана, бог знает когда и кем, которой попросту раньше не слышали. Такая музыка и звучала на представлении Театра 18.03.2013, как уже было сказано, в Театральном зале: «Прелюдия и танец» Паскаля Пруста, «Легенда» Карла Иоахима Андерсена, а гвоздём программы, естественно, стало «In C» Терри Райли – сенсационная для своего времени вещь, которая для непосвящённого в музыкальные

процессы полувековой давности (1964) всё ещё продолжает оставаться новой музыкой. Слава богу, теперь уже перестала. Теперь и нашу публику посвятили в музыкальный минимализм.

Но вообще-то не это самое главное. Не то, что своими силами исполнили культовую минималистскую пьесу, которая раньше звучала только на известных мировых площадках, и хотя это и было не так просто, как проста сама партитура (всего-то одна страничка в 53 такта-паттерна), оказывается, играть (и петь), намеренно не совпадая, гораздо труднее, чем держать унисон, но ничего, всё получилось, другого и быть не могло. Так вот, главное – это то, что Терри Райли, сам того не подозревая, подарил концерту не только музыку, но саму идею концерта, который целиком прошёл в *in C*. И получилось, что вся музыкальная история – не вся, конечно, а насколько позволили рамки концерта и исполнительские силы Театра, но зато чётко очерченная – от Баха до Райли, – уместилась, что называется, в одной реторте (если к концерту применимо такое сравнение), в которой оппоненты-волшебники смешивали До мажор и до минор (представляя пьесы в этих тональностях), слегка разбавив его веберновским и китайским пуантилизмом, убедив нас всеми музыкальными аргументами в исполнении В. Орлова, В. Игонина, А. Игониной, А. Попова, М. Мищенковой, М. Скрипинской, К. Осиповой и др. (группа «*In C*»: А. Климова, А. Овагимян, А. Драгуданова, Е. Бочкарёв, Б. Калужин, А. Свирепова, О. Хирная, А. Пушкин, Э. Саркисова, Е. Щербакова) в том, что величие Баха не имеет границ. Да-да-да, что вся музыкальная история (за исключением, разве что, китайской музыки) восходит именно к И.С. Баху, включая и музыкальный минимализм в том числе. А что есть баховская Прелюдия *C-dur* (ХТК, I), с которой начался концерт, с её *perpetuum mobile* одной фигуры (чем не паттерн, со своими особенностями, конечно?), если не предвосхищение минимализма? Вот и про «Релаксацию-2» В. Орлова, которая вообще как эпитафия к концерту прозвучала, заранее подготавливая почву для ударного номера программы, бабушка надвое сказала – то ли она из баховской прелюдии вышла, то ли из классического американского минимализма XX века.

Вот такой парадокс получился - хотели из одного автора сенсацию сделать (из Райли, тут и думать нечего), а получилось, что центром музыкальной вселенной был и остаётся Бах, наше всё. Однако если с самим концертом всё предельно ясно - ясно, где зарыта собака, - то литературная часть озадачила и поставила пишущего эти строки в немалый тупик. Так о чём же спорили высоколобые интеллектуалы, ведущие концерта (где закопали этого пса)? Судите сами: позиции оппонентов – прозрачной некуда, профессор Влориди (В. Орлов) – сторонник тональной классической музыки, маэстро Вигансо, его антагонист (В. Игонин) – рыцарь атонализма; профессор восторгается Рахманиновым (Прелюдия До мажор), Шостаковичем (Романс из к/ф «Овод»), маэстро всё это называет «слюнявой, сентиментальной романтикой». Один доказывает, что «тональность стала катастрофой в истории музыки», что «появление мажора и минора привело к сильному упрощению музыкального языка», другой – что «тональная музыка – это бездна эмоций»...

А чем всё закончилось? Да всё тем же – парадоксом. Концерт, даже в одном только количественном аспекте, стал утверждением превосходства тональной музыки (ведь «In C», этот гвоздь программы, – тональное произведение, как ни крути), а в споре победил атоналист, причём главным его аргументом было всё то же «In C» Райли. По логике вещей, оно должно было помирить и, в сущности, помирило оппонентов – тут тебе и ясная тональная основа, милая сердцу профессора Влориди, и какофоническая мешанина, обожаемая маэстро Вигансо (и, надо полагать, его котом, который не хуже самого маэстро, с его слов, играет Вариации Веберна, правда, нам не довелось этого учёного кота увидеть, спасибо, маэстро сам исполнил). Одним словом, каждый услышал своё, правда, с эмоциями в этой музыке не разбежишься, не то что бедновата она эмоциями, а их там попросту, что называется, по определению, нет, так что совершенно непонятно, как это профессор Влориди, тонкий ценитель чувственного начала в музыке, мог влюбиться в эмоционально стерильный опус, не иначе как маэстро Вигансо его околдовал (стало быть, подозрение в волшебстве, которое с самого начала пало на эту парочку, вполне законно).

Вот и получается, что спор разрешился, как в вердиевских оперных поединках: победу одержал более сильный противник, а его интеллектуальное превосходство, как уже говорилось, опиралось на авторитет Шерлока Холмса, так что слабому ничего не оставалось, как стать его тенью в этом конан-дойлевском интертексте (если помните, музыкальные вкусы героев этого замечательного детектива тоже резко расходились, в точности, как у наших оппонентов). Очарованный «In C», профессор Влориди забыл и про Баха, и про Рахманинова, и про «модерниста в законе Салтыкова-Плисецкого» (как поименовал его – кого, догадывайтесь сами, – маэстро Вигансо), а ведь их до-мажорные и до-минорные творения наш бедный профессор называл не иначе как гениальными, правда, непонятно за что обругал «невероятно мерзкой музыкой» Вальс-каприз С. Василенко, вполне соответствующий тем идеалам, которые сам же и защищал в этом споре. Вот и ищи тут собаку, которую так глубоко зарыли, что, уж и не знаю, какой интеллект нужен, чтобы не просто до неё докопаться, а хотя бы только найти.

Но, не углубляясь в поиски и раскопки, понятно одно. «За» и «против» в этом споре разделили всю историю музыкального искусства, которая в этом концерте так красиво выстроилась от Баха до Райли, на «плохую» и «хорошую» музыку. В свете известного музыкального консерватизма, которым страдает у нас наша публика (и, надо честно признаться, не она одна), оно, конечно, неплохо – силой авторитета прививать вкус к современному музыкальному искусству, которое, как ни странно, малодоступно нашим слушателям, за недостатком чего даже Театру новой музыки приходится заполнять программу всем известной или мало известной репертуарной классикой, и обращаться с ней при этом неподобающе, только не подумайте, что это к исполнителям относится – они были на высоте, своё дело знают. Это профессор Влориди оказался плохим защитником, чего стоит только одна его фраза,

свидетельствующая о полной капитуляции перед планомерно нокаутировавшим его маэстро Вигансо: «Мало ли на свете Прустов, Марселей, Верселей, Паскалей, Ньютонов, Платонов, Аристотелей?» Не иначе, в то время, как он её произносил, он не только забыл, кто такой Паскаль Пруст (правда, профессор признался, что вообще этого не знает, да и Интернет по этому поводу тоже молчит), но и за кого он, как говорится, – за «белых» или за «красных». И уж если до Аристотеля дело дошло, так тут и до Баха не далеко. Вот и приходится за него заступаться, хоть он в защите не очень-то и нуждается – Бах, он и есть Бах, и всегда будет. Но таково требование закона равновесия, «несоблюдение которого приводит к печальным, а иногда и катастрофическим последствиям» (цитата из верного источника). Так вот, всем сердцем разделяя и поддерживая искания нашего молодого Театра, уважая и признавая право новой музыки быть и называться настоящим искусством, не могу сопротивляться физической непреложности, подавляющая сила которой заставила взяться за перо и поддержать ту сторону, которая в этом неравном споре потерпела поражение.

Источник: [газета "Камертон", №52-53 \(66-67\) апрель-май 2013](#)